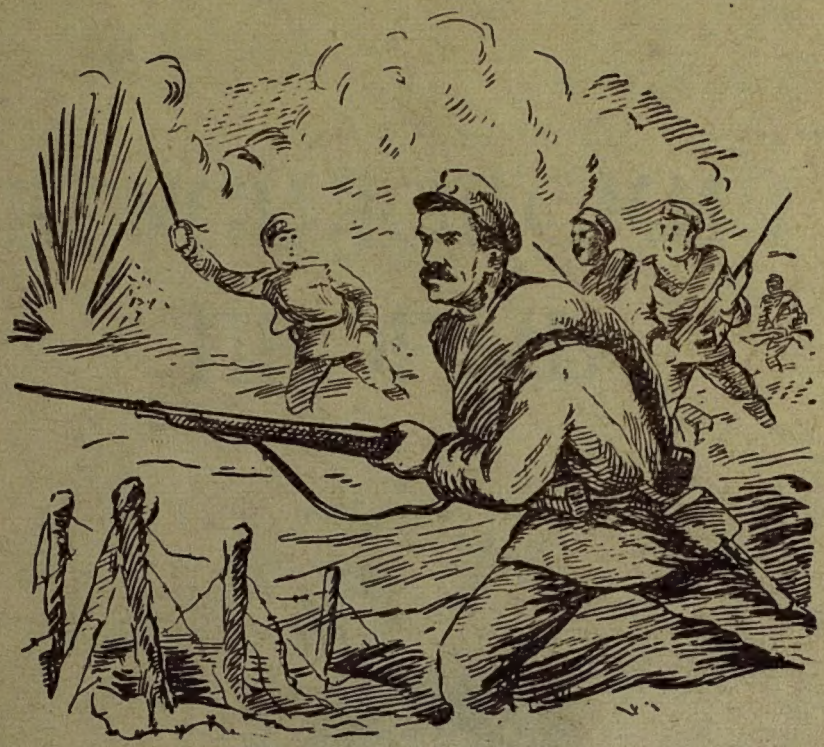
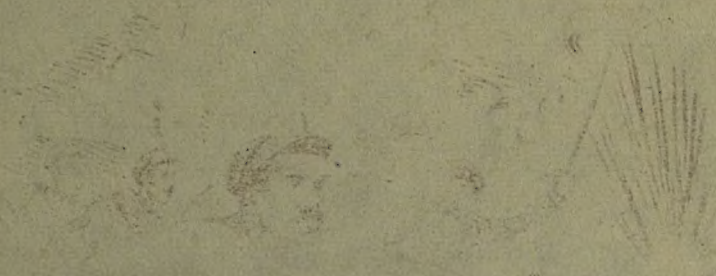
ГЭЖС 621
К 938

Полковник
Ф. Е. КУЗНЕЦОВ



БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

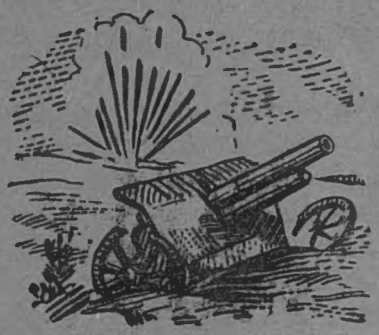
Огиз Госполитиздат · 1944



ГЖ621
К 938

Полковник
Ф. Е. КУЗНЕЦОВ

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ



ОГИЗ
Государственное издательство
политической литературы
1944

К. 1984

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖС 691
К 938 Р

552378 У

1

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ФРОНТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война разразилась в августе 1914 г. Она началась нападением австро-венгерских войск на Сербию и германских войск — на Францию и Россию. Германский разбойничий империализм был главным застрельщиком этой войны. Во второй половине XIX в. Германия, ранее сильно отставшая в экономическом отношении от Англии и Франции, стала быстро развиваться и догонять передовые капиталистические страны. К началу XX в. немецкие империалисты уже мечтали о мировом господстве, о захвате обширных английских и французских колоний, об отторжении от России Украины, Польши и Прибалтики. Немцы полагали, что их военная машина обладает достаточной силой для осуществления этих захватнических замыслов.

Постепенно в войне приняли участие почти все европейские государства, а также многие внеевропейские страны. Главным театром военных действий была Европа. Здесь образовались два могущественных антигерманских фронта: на западе — англо-французский и на востоке — русский.

На стороне центральных держав—Германии и Австро-Венгрии—воевали Болгария и Турция. На стороне союзников—Англии, Франции и России—на европейском театре военных действий, кроме Сербии и Бельгии, в войне приняли участие сначала Италия, а затем Румыния и, наконец, США.

В ходе военных операций немецкие империалисты достигли сначала значительных внешних успехов. Они воевали на чужой территории, захватив Бельгию, нейтралитет которой был грубо нарушен, часть северной Франции, а потом и территорию Польши. Однако ход военных событий ещё в 1914 г. опрокинул их расчёты. Немцы надеялись, по плану генерала Шлиффена, быстро, в течение нескольких месяцев, разгромить своих противников сначала на западном, а потом на восточном фронтах. Они рассчитывали, что русская армия не сможет во-время оказать помощь своим союзникам (Сербии, Франции, Англии) и последние будут разбиты немцами.

Генеральные штабы союзников ставили главной целью операций разгром вооружённых сил Германии и поражение её путём нанесения мощных ударов с запада и востока. Русское военное командование с первых же дней войны начало выполнять свои договорные обязательства и предприняло наступление в августе 1914 г. в Восточной Пруссии, а также на русском Юго-западном фронте, в Галиции.

Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич сообщил 13 августа[1] командованию Северо-западного и Юго-западного фронтов, что наступление русских войск необходимо ускорить, чтобы помочь союзникам, против которых немцы обрушились главными силами.

«Франция просит, — писал генерал Янушкевич, — поддержать её наступлением не только армиями Северо-западного фронта, но и Юго-западного».

Поддержка эта была оказана, переход в наступление двух русских армий на Северо-западном фронте вынудил немецкое командование, несмотря на проводившиеся им большие операции на западноевропейском фронте, снять с важнейшего направления два корпуса и кавалерийскую дивизию, чтобы срочно отправить их на русский фронт. В результате этого немцы проиграли там операцию, на которую возлагали большие надежды.

Наступление русского Юго-западного фронта в 1914 г., известное под наименованием «Галицийской битвы», при-

[1] Все даты даны по новому стилю.

вело к поражению австро-венгерской армии, и только с помощью германских войск Австро-Венгрия смогла позже восстановить свои силы для продолжения войны.

Разбить врага в начале войны союзникам не удалось, так как немцы отлично подготовились к войне. Но наступление русских войск в 1914 г. в Восточной Пруссии и в Галиции способствовало осуществлению «чуда на Марне»[1], где немцы потерпели поражение. Наступление русских войск спасло Париж от захвата его немцами. Активность русского фронта поставила немецкое командование в чрезвычайно тяжёлое положение, вынудив его ввиду нехватки сил приступить к переброске войск с одного фронта на другой, когда это вовсе не входило в расчёты немецкого генерального штаба. Германская армия в 1914 г. потеряла убитыми и совсем выбывшими из строя около 300 тыс. человек, кроме того ранеными свыше 500 тыс.

О том, какое значение имело всё это для союзников, свидетельствуют высказывания многих историков первой мировой войны. Один из них, французский полковник Гизо, пишет: «По настоянию генерала Жоффра и французского правительства Россия, чтобы выручить нас, чтобы сковать германские корпуса в Пруссии и засвидетельствовать солидарность союзных фронтов, отважно перешла в наступление. На юге, в Галиции, она разбила австрийцев у Львова, а на севере, вступив 17 августа в Восточную Пруссию, опрокинула германцев у Гумбинена, угрожая Кёнигсбергу, что побудило германский генеральный штаб отозвать с французского фронта четыре дивизии[2]. Наши союзники оказали нам, таким образом, огромную услугу».

Положение, создавшееся в связи с наступлением русских войск, стало для немцев угрожающим. Рушились все расчёты германских империалистов на быструю победу. А на этом был основан немецкий план войны. Никаких перспектив на успешное осуществление новой наступательной операции на западноевропейском фронте у немецкого командования не оставалось. Русские войска угрожали перейти за Карпаты и вторгнуться в Венгрию, что вызывало у немцев опасения за целостность австро-венгерского государства. Внутренний распад этой «лоскутной», как её называли, монархии был действительно вероятен под влиянием сильных

[1] Разгром немецкой армии, наступавшей на Париж, на реке Марне.

[2] В действительности было снято два пехотных корпуса и кавалерийская дивизия.

поражений австрийцев на русском Юго-западном фронте. Бывший начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн прямо заявляет в своих воспоминаниях, что он предложил политическим деятелям Германии искать мира. А это было равноценно признанию проигрыша войны, крушения всех хищнических планов германского империализма.

Немецкий генеральный штаб принуждён был в корне изменить свой операционный план.

Немцы решили прекратить в 1915 г. активные операции на западноевропейском фронте и начать большое наступление против русских войск.

Для этой цели немцам пришлось направить на восточный, русский фронт все вновь формировавшиеся в Германии войсковые соединения, предназначавшиеся ранее на французский фронт. На русский фронт было переброшено к весне 1915 г. с французского фронта 30 дивизий. К лету немцы усилили свои войска на русском фронте на 37 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, из которых 29 пехотных и все кавалерийские были сняты с французского фронта. В июне 1915 г. на русском фронте немцы имели до 106 дивизий (из них не менее 61 германских) против такого же примерно количества русских дивизий, но с огромным преобладанием немцев в технике. На французском же фронте осталось всего 93 дивизии против более чем 120 дивизий французов и англичан.

Возможность переброски немецких войск с западного на восточный фронт возникла вследствие пассивности западного фронта. Французское верховное командование охотно примирилось с позиционным характером войны, а военный министр Англии лорд Китченер заявил, что война в 1915 г. только начинается. Таким образом, вся тяжесть боевых действий в 1915 г. легла на плечи русской армии.

Между тем положение русской армии было чрезвычайно тяжёлым. Недостаток боеприпасов, испытанный в первый период войны армиями всех воюющих государств, в русской армии долго ощущался с необычайной остротой. В то время как Германия, быстро изжившая этот недостаток, в 1915 г. буквально засыпала русские войска градом снарядов, в русской армии нехватало не только боеприпасов и орудий, но даже и винтовок. В такой обстановке немцы могли рассчитывать на большие успехи.

В течение почти всего 1915 г. русская армия выдерживала натиск главных сил неприятеля, дав возможность со-

юзникам подготовиться к упорной и длительной войне, к новым решающим сражениям.

В кампании 1915 г. немцы намеревались разгромить русскую армию, ликвидировать восточный фронт и потом всеми силами снова обрушиться против союзников России. Немецкое командование задумало устроить русской армии громадные «клещи» и, зажав её с двух сторон, уничтожить. Но немецкий замысел был разгадан русским командованием. Сдерживая сильнейший напор вооружённых сил Германии и Австрии, русская армия по приказу командования отступила, заняв новые рубежи. Она отошла на фронт, простиравшийся от Риги, через Двинск, Молодечно, Пинск, Ровно, Тарнополь, до Черновиц на румынской границе, и здесь окопалась. Обе стороны перешли к позиционной войне. Немцы не могли сокрушить русской армии.

Ход войны в 1914 и 1915 гг. показал, что немецкая коалиция обладала одним очень существенным преимуществом перед своими противниками. Оно заключалось в том, что руководство всеми вооружёнными силами центральных держав находилось в руках германского верховного командования. Таким образом достигалось тесное взаимодействие вооружённых сил центральных держав на различных фронтах.

Этого не было у держав Согласия (Антанты), воевавших против немцев.

Такое положение было явно на пользу врагу.

События 1915 г., когда немцы имели возможность, обороняясь на западе, бросить большинство сил на русский фронт, показали совершенно ясно, какой вред общему делу наносит недостаточная согласованность военных действий на обоих фронтах союзников.

В декабре 1915 г. во Франции, при главной квартире в Шантильи, состоялась очередная конференция союзников. На совещании, под давлением, между прочим, русских представителей, Франция и Англия признали возможным перейти в 1916 г. в общее наступление против Германии. Было заявлено, что союзники стали достаточно сильными, чтобы сломить мощь немецкой армии, тем более, что к ним присоединилась Италия. Русская армия должна была принять самое деятельное участие в этом наступлении. По постановлению конференции общее наступление союзников намечалось в марте. По настоянию русского представителя было, кроме того, решено, что каждая из союзных держав

должна оказать помощь той, против которой будут наступать немцы, если бы они попытались это сделать на каком-либо одном фронте.

Не добившись в 1915 г. намеченных целей на русском фронте, но полагая, что ожидать на нём в 1916 г. серьёзных активных операций со стороны русских войск нет оснований, немцы перенесли свои главные усилия опять на западноевропейский фронт. Там они предприняли очень крупную операцию против французской крепости Верден, надеясь по крайней мере притянуть к ней резервы союзников и перемолоть их там, чтобы облегчить себе в дальнейшем новое наступление. Австрийское командование, также считая, что русский фронт будет бездеятельным, сняло с него часть сил и организовало наступление против Италии, давшее австрийцам невиданный ими дотоле успех.

«Верденская мельница» перемалывала немецкие войска не в меньшей степени, чем резервы французов. Предпринятое по просьбе французского командования наступление русских войск в марте 1916 г. на участках 2-й и 5-й русских армий проходило в крайне неблагоприятных условиях погоды и не увенчалось успехом. На итальянском фронте обстановка была неблагоприятной для союзников. Защита Вердена требовала, кроме того, огромного количества боеприпасов. По этим причинам наступление союзников, намеченное на март, было отсрочено. Срок наступления переносился на июнь.

Но Италия, атакованная в мае австрийцами, стала грозить заключением сепаратного мира, если ей не будет оказана самая быстрая помощь. Да и Франции не улыбалась «верденская мельница». Поэтому командование союзников опять обратилось к русскому верховному командованию с настоятельной просьбой, а Италия прямо потребовала, ускорить начало наступления. Русское командование и на этот раз пошло навстречу просьбе союзников. 24 мая генерал Алексеев сообщил начальнику итальянской военной миссии: «Всё, что можно будет сделать в целях помощи и отвлечения на себя австрийцев, русской армией будет исполнено». 31 мая русское верховное командование дало директиву о наступлении армиями Западного и Юго-западного фронтов.

2

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ—ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Главнокомандующим армиями Юго-западного фронта с марта 1916 г. был назначен генерал Брусилов. Назначение его было не совсем обычным. Брусилов не был близок высокопоставленным и придворным кругам. А на высшие военные должности, как правило, назначались тогда именно близкие ко двору царя лица. Генеральный штаб не терпел Брусилова и относился к нему, как к чуждому человеку.

Генерал Брусилов не принадлежал к генеральному штабу, но был опытным боевым командиром. К началу войны 1914—1918 гг. ему был 61 год. Молодым офицером довелось ему принять участие в русско-турецкой войне. На его глазах протекала русско-японская война 1904—1905 гг. Занимая последовательно ответственные должности начальника кавалерийской школы, командира дивизии и корпуса, помощника командующего войсками округа, а во время войны — командующий армией, он отлично изучил русскую армию, близко узнал русского солдата и прилагал все свои знания и способности для того, чтобы повысить боеспособность войск и так подготовить их к предстоящим боям, чтобы победа достигалась малой кровью.

«Проливать свою кровь — наша обязанность, — говорил Брусилов, — и к этому мы готовимся, но проливать её зря, в излишней мере и с малыми шансами на успех — преступно, в особенности если это происходит от нашей собственной вины».

Брусилов был страстным русским патриотом. Он учил своих подчинённых любить родину и ненавидеть её врагов. Перед войной 1914—1918 гг. он предвидел, что России придётся померяться силами с Германией. В лице германских империалистов он усматривал заклятых врагов своего отечества и поэтому с нетерпимостью относился к немцам, ко всем их происках и интригам. Когда немецкие корпуса вторглись в пределы России, Брусилов требовал от офицеров:

«При всяком удобном случае обращать внимание нижних чинов на зверства германцев и мадьяр, на разо-

рение ими нашей страны и на мучения, претерпеваемые беженцами, да и вообще всем населением тех губерний, которые подверглись нашествию неприятеля».

«Русский солдат, — писал Брусилов в одном из своих приказов, — отстаивает дорогую для него русскую землю, которая благодаря бессмертным подвигам наших предков, благодаря потокам крови, пролитой ими, стала великой и славной, отстаивает её от порабощения немцами. Как не понять, что если немец взял бы над нами верх, то он и земли наши захватил бы, да и данью обложил бы так, что не только мы, но и внуки наши должны были бы платить ему».

Будучи убеждённым последователем великого Суворова, твёрдо веря в храбрость и доблесть русских войск, Брусилов всегда стремился действовать активно, итти навстречу врагу, если только есть малейшая возможность наступать. Он считал необходимым, чтобы в войсках господствовал наступательный дух, чтобы порыв войск вперёд не угасал в бою.

Брусилов пользовался большой популярностью и любовью среди войск. Его знали не только в России, но и за границей как талантливого, выдающегося генерала. Это и побудило верховное командование назначить Брусилова на пост главнокомандующего армиями фронта.

Сейчас же после назначения на эту должность Брусилову пришлось принимать прибывшего на фронт царя. Последний спросил его, не имеет ли он что-либо доложить. О своём ответе царю Брусилов рассказывает:

«Я ему ответил, что имею доклад, и весьма серьёзный, заключающийся в следующем: в штабе фронта я узнал, что мой предшественник категорически донёс в ставку, что войска Юго-западного фронта не в состоянии наступать, а могут только обороняться. Я лично безусловно не согласен с этим мнением; напротив, я твёрдо убеждён, что ныне вверенные мне армии после нескольких месяцев отдыха и подготовительной работы находятся во всех отношениях в отличном состоянии, обладают высоким боевым духом и 14 мая будут готовы к наступлению, а потому я настоятельно прошу предоставить мне инициативу действий, конечно, согласованно с остальными фронтами. Если же мнение, что Юго-западный фронт не в состоянии наступать, превозможет и моё мнение не будет уважено как главного ответственного лица в этом

деле, то в таком случае моё пребывание на посту главнокомандующего не только бесполезно, но и вредно, и в этом случае прошу меня сменить».

Брусилов не побоялся откровенно высказать свои искренние убеждения. Своё мнение о боеспособности Юго-западного фронта, о желании бить врага, а не оставаться пассивным зрителем событий, он твёрдо отстаивал и отстоял, добившись того, что ему была предоставлена инициатива наступления.

В качестве главнокомандующего армиями фронта для обсуждения плана общего наступления русских войск Брусилов был приглашён на совещание в ставке, состоявшееся 14 апреля. Обстановка в то время рисовалась следующим образом.

Соотношение сил на фронте было в пользу русских армий. На Северном и Западном фронтах они имели 1 220 тысяч штыков и сабель. Перевес над противником здесь составлял 600 тысяч бойцов. На Юго-западном фронте было 512 тысяч штыков и сабель с перевесом над противником в 71 тысячу бойцов.

Существовавший в армии некомплект личного состава был покрыт, но всё ещё нехватало вооружения, особенно тяжёлой артиллерии, а также боеприпасов. Плохо было с авиацией: её было мало, материальная часть устарела. Отечественная промышленность не могла удовлетворить потребностей фронта. Поставки из-за границы были крайне затруднены.

По плану начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева главные задачи в предстоявшем наступлении возлагались на Западный и Северный фронты.

Юго-западный фронт, признанный ставкой неспособным к наступлению, должен был сначала держаться оборонительно, а затем, когда разовьётся наступление на других фронтах, присоединиться к нему с целью демонстрации для отвлечения внимания и сил противника. План этот и подвергся обсуждению на совещании.

Оба главнокомандующих фронтами, Северного — Куропаткин и Западного — Эверт, не были согласны с операционным планом начальника штаба верховного главнокомандующего. Основываясь на опыте последних наступательных операций русских войск в декабре 1915 г. и в марте 1916 г., они считали, что наступление армий

Северного и Западного фронтов невозможно. Главным образом они ссылались на то, что для этого не было тяжёлой артиллерии. Они предлагали отложить наступление.

Совершенно иного мнения придерживался Брусилов. Он уже высказал его в докладе царю. На совещании выступление Брусилова, в котором он горячо отстаивал своё мнение, имело решающее значение. Вера Брусилова в русского солдата, воля к победе, убедительность доводов так повлияли на присутствующих, что Куропаткин и Эверт принуждены были изменить высказанные ими взгляды на положение. Брусилов так рассказывает о своём выступлении:

«Слово было предоставлено мне. Я заявил, что несомненно желательно иметь большее количество тяжёлой артиллерии и тяжёлых снарядов, необходимо также увеличить количество воздушных аппаратов, выключив устаревшие, износившиеся. Но и при настоящем положении дел в нашей армии я твёрдо убеждён, что мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убеждён. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться».

Брусилов лишь из деликатности упомянул о том, что он не берётся говорить о других фронтах. Оба другие фронта обладали значительно бо́льшими шансами на успех, чем Юго-западный. Северный фронт имел 466 тысяч бойцов против 200 тысяч у противника, т. е. обладал более чем двойным перевесом сил. Западный фронт имел почти такое же соотношение — 754 тысячи против 420 тысяч у противника, в то время как на Юго-западном фронте было 512 тысяч бойцов против 441 тысячи у противника. Тяжёлая артиллерия и резервы предназначались для Северного и Западного фронтов. Говоря о своём твёрдом убеждении в возможности наступать, Брусилов оценивал обстановку с общей стратегической точки зрения.

Это обстоятельство он подчеркнул в своём дальнейшем выступлении.

«Я считаю, — говорил он, — что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не

наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы прекратить противнику возможность пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях».

Вот какими соображениями руководствовался генерал Брусилов, настаивая на необходимости наступления. Не второстепенную задачу, не защиту интересов своего фронта преследовал он, когда говорил, что Юго-западный фронт должен наступать, а основную цель: разбить главного противника — германскую армию, — разумеется не только силами своего фронта, а всеми силами трёх русских фронтов и совместно с союзниками. Он рассуждал как главнокомандующий, перед которым была совершенно ясная перспектива. Для того чтобы убедить совещание в том, что при любых условиях наступление Юго-западного фронта будет только выгодно для таких общих действий, в заключение своего выступления он заявил:

«Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел бы никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлёк бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина».

Естественно, что генералу Алексееву как представителю русского верховного командования нечего было возразить против веских доводов Брусилова. Он должен был в принципе с ними согласиться. Однако он не хотел менять разработанного ставкой плана и предупредил Брусилова, что он для наступления ничего не получит дополнительно к имеющимся у него силам — ни войск, ни артиллерии, ни снарядов. Брусилов ответил, что он ничего и не просит, будет довольствоваться тем, что у него есть, но войска Юго-западного фронта и сам он будут знать, что их деятельность направлена на общую пользу и что они облегчают работу своих боевых товарищей, давая им возможность сломить врага.

После выступления Брусилова генералы Куропаткин и Эверт заявили, что наступать и они могут, но не могут ручаться за успех. Такого ручательства, конечно, не мог бы дать ни один главнокомандующий, да его никто и не требовал. В результате совещания было решено атаковать противника армиями всех трёх фронтов, нанося главный удар Западным фронтом и вспомогательный — Юго-западным. Северный фронт должен был перейти к решительным действиям при благоприятной обстановке.

Так, в муках сомнений и колебаний главнокомандующих, среди которых один генерал Брусилов шёл твёрдой поступью к поставленной цели, зародился брусиловский план прорыва. Сомнения и колебания ответственных командиров встретила и дальнейшая разработка этого плана уже на Юго-западном фронте. И здесь Брусилову пришлось проявить всю силу своей воли и твёрдость характера.

Юго-западный фронт весной 1916 г. состоял из четырёх армий: 8-й, 11-й, 7-й и 9-й. Он простирался от Пинских болот до границ с Румынией. Перед армиями фронта находились австро-венгерские и частично германские войска. Количество батальонов к началу операции возросло на русском фронте до 630, на фронте противника их было до 575, конница на русском фронте состояла из 445—450 эскадронов, а на фронте противника из 230—235 эскадронов. Артиллерийских орудий у немцев было 1 846, из коих 545 тяжёлых, а у Брусилова — 1 948, из них только 168 тяжёлых.

Таким образом, перевес сил у Брусилова был очень небольшой, а в артиллерии превосходство было у противника.

Позиции русских войск были расположены и укреплены хуже, чем у противника. Прибывшие на пополнение Юго-западного фронта солдаты были слабо обучены. Кадровых офицеров и унтер-офицеров в войсковых частях оставалось незначительное количество. Австрийцы к этому времени получили много вооружения из Германии и в этом отношении, так же как и в отношении снабжения боеприпасами, находились в лучшем положении, чем русские войска Юго-западного фронта.

Эти неблагоприятные условия были известны Брусилову. Он прилагал все усилия к тому, чтобы улучшить их, где это было возможно, стремился создать запасы военного

2-а

имущества, требовал укрепления позиций, усиленных занятий с солдатами, унтер-офицерами и офицерами. Те преимущества в вооружении, которые оставались у противника, он твёрдо надеялся парализовать искусством своих действий. Но иного мнения были командующие армиями Юго-западного фронта.

Вернувшись с совещания в ставке, Брусилов собрал 18 апреля в городе Волочиске всех четырёх командующих армиями для того, чтобы изложить им своё решение. Командующий 8-й армией генерал Каледин заявил, что он не надеется на успех и даже просто уверен, что успеха не будет и что нанесение удара со стороны Юго-западного фронта грозит большой опасностью для русских войск. Генерал Щербачёв, командующий 7-й армией, указал на то, что он не любит «стоять на месте», предпочитает всегда действовать активно, охотно наступает, но в настоящее время считает наступательные действия очень рискованными и нежелательными.

Брусилов не допустил споров по поводу возможности или невозможности наступления, но вместе с тем приложил много старания, чтобы убедить командующих армиями в правильности своего решения. Это ему удалось, и все командующие армиями разъехались, убеждённые в правильности боевого решения Брусилова.

3

ПЛАН БРУСИЛОВА И ПОДГОТОВКА ПРОРЫВА

Предложенный Брусиловым план наступления в 1916 г. не мог не увлечь хорошего военного специалиста новизной и оригинальностью своего замысла. Он был прямо противоположен тем планам операций прорыва, которые до того времени осуществлялись немцами. Немцы ещё совсем недавно, осуществляя свои планы прорыва, добились на русском фронте больших успехов, выиграли огромную территорию. Было известно, что для прорыва укреплённого фронта необходимы сильные средства, прежде всего тяжёлая артиллерия, и большие резервы. Но где взять эти средства и резервы? А без них не прорвать неприятельского фронта. Поэтому-то многие высшие военачальники стали сомневаться в возможности

активно бороться в условиях позиционной войны и стали отдавать предпочтение «сидению» в окопах.

Брусилов иначе оценил опыт войны. Он видел, какую силу приобрела оборона. Но у него не было сомнений в возможности её преодоления. Однако боевая техника не достигла ещё такого уровня, который позволял бы преодолеть оборону в короткий срок. Единственное средство для этого — артиллерия — действовало медленно. Медлительность же исключала успех, так как позволяла противнику принять контрмеры. В успехах, одержанных немцами на русском фронте, Брусилов подметил отрицательную сторону. Он обнаружил здесь немецкий оперативный шаблон, который никак не мог быть пригоден на все случаи.

К тому времени немцы от одного шаблона перешли к другому. До войны 1914 г. они полностью отрицали возможность достигнуть успеха лобовым ударом. В новых условиях, когда сплошные фронты сковали свободу манёвра на охват и окружение, немцы стали применять для прорыва фронта такой боевой порядок, который они называли «фалангой». На избранном для прорыва участке собиралась огромная артиллерийская группа, включавшая артиллерию самых тяжёлых калибров, а также крупные пехотные резервы. Начиналась сильнейшая артиллерийская подготовка, которая сметала проволочные заграждения и уничтожала неприятельские укрепления с их защитниками. И затем атака пехоты, поддержанная артиллерийским огнём, должна была увенчаться успехом, т. е. прорывом фронта, а в дальнейшем расширением прорыва. По расчётам немцев, противник после этого должен был уходить и с тех участков, которые не были атакованы. Таков был новый немецкий «рецепт победы», принесший им успех на русском фронте в 1915 г.

От Брусилова не скрылись настоящие причины успехов немцев. Он объяснил их очень просто. В 1915 г. укрепления на русском фронте были чрезвычайно слабыми, «были устроены ниже всякой критики», — как говорил Брусилов, тяжёлой артиллерии в русской армии почти совсем не было, и, наконец, самое главное — нехватало огнестрельных припасов. В таких условиях немцы имели успех. В тех же случаях, когда принимались соответствующие меры противодействия, прорыв фронта немецкой «фалангой» успеха не имел. Так случилось и в операции

немцев под Верденом, которой они придавали первостепенное значение.

«Дело в том, — указывал Брусилов, — что такая подготовка к прорыву фронта, при наличии воздушной разведки, секретной быть не может: подвоз артиллерии, громадное количество огнестрельных припасов, значительное сосредоточение войск, интендантских складов и т. д. требуют много времени, и скрыть всё это мудрено. Самая подготовка к атаке, т. е. расстановка артиллерии различных калибров, причём каждая артиллерийская группа получает свою особую задачу, а каждый род артиллерии своё особое назначение, устройство телефонной связи и наблюдательных пунктов, устройство плацдарма, чтобы довести свои передовые окопы до окопов противника на 200—300 шагов, на что требуются громадные земляные работы, — всё это требует не менее 6—8 недель времени. Следовательно, противник, безошибочно определив выбранный пункт удара, имеет полную возможность собрать к намеченному месту и свою артиллерию и свои резервы и принять все меры для того, чтобы отразить удар».

552378

Брусилов хотел избежать такого положения, которое могло сорвать план операции прорыва. Позиции противника перед Юго-западным фронтом, как выяснила разведка, были очень прочными, пленные показывали, что они считались «неприступными». Артиллерия у противника была сильнее, а снарядов было в изобилии. Он мог сосредоточить необходимое количество сил для закрытия прорыва на узком участке. Поэтому Брусилов решил ломать вражеский фронт не в одном, а в нескольких местах, на широком фронте. Конечно, этот способ действий имел свою отрицательную сторону. Сила удара в главном направлении при распределении войск на широком фронте становилась слабее, чем при прорыве в одном пункте, к которому сосредоточивались все войска, предназначенные для прорыва. Но зато и противник, видя, что подготовка наступления ведётся на всём фронте, обнаружив земляные работы в 20—30 местах, не мог узнать, где будет ему наноситься главный удар, и, следовательно, лишался возможности подготовиться к отражению удара.

План Брусилова заключался в том, чтобы нанести главный удар правофланговой 8-й армией фронта в направлении на Луцк. В 8-ю армию Брусилов направил главные резервы и артиллерию. Одновременно и остальные

ные армии должны были наносить свои, хотя и второстепенные, но сильные удары, и, наконец, каждый корпус на своём участке также избрал главное направление, где сосредоточивались резервы и артиллерия корпуса.

По плану верховного командования, на всём русском фронте главный удар наносился силами командующего армиями Западного фронта генерала Эверта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильно. Одновременный удар 8-й армии на Луцк, а затем на Ковель и севернее, позволил бы поколебать весь неприятельский фронт путём разгрома его центра. Во всяком случае только такое наступление Юго-западного фронта, которое грозило охватить немецкую армию с юга одновременно с ударом на Вильно, соответствовало общей цели и обстановке. Если бы удар наносился только в виленском направлении, противник смог бы, пользуясь железными дорогами из района Белосток — Брест-Литовск, в свою очередь атаковать наступающие войска генерала Эверта во фланг. Брусилов в конечном счёте рассчитывал осуществить именно такой охватывающий удар. И этот замысел Брусилова вполне отвечал цели верховного командования.

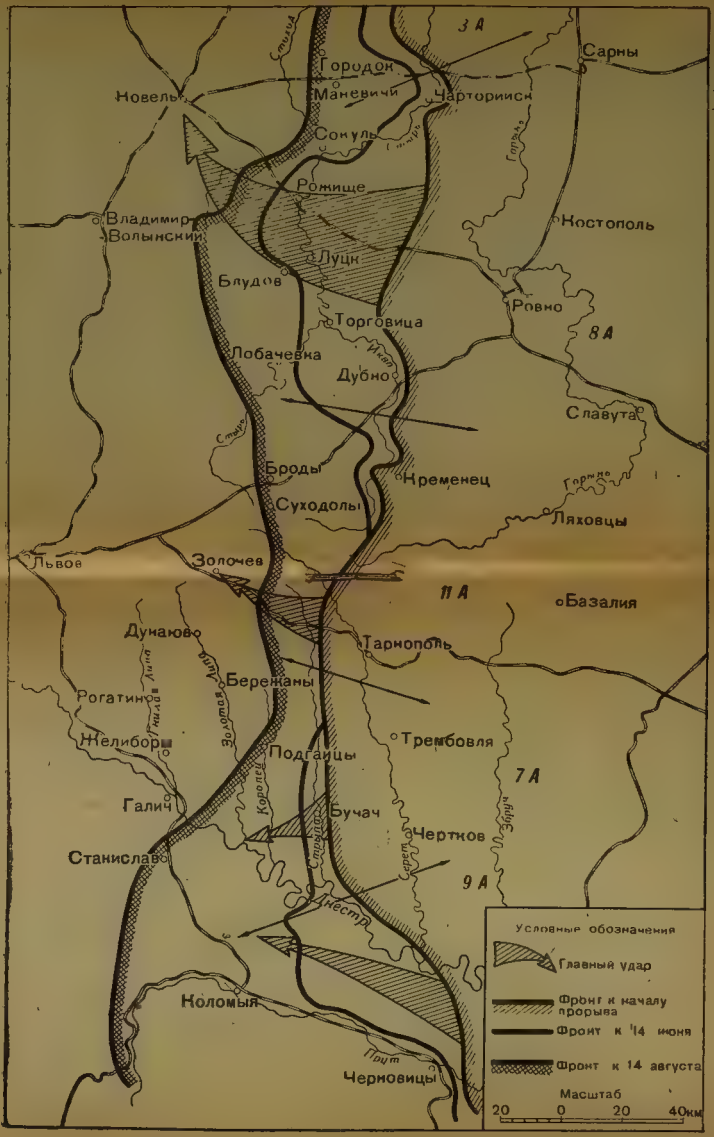
Брусилов предоставил командующим армиями свободу в выборе способа действий. Он потребовал лишь, чтобы ему были представлены разработанные планы действий каждой армии. После тщательного рассмотрения, проверки положения на местах и внесения некоторых поправок они были утверждены. Началась подготовка операций на участках армий. Это была большая и сложная предварительная работа, она продолжалась более месяца.

По данным разведки, перед Юго-западным фронтом противник имел 450 тысяч штыков и 30 тысяч сабель. Необходимо было установить с наибольшей точностью, как эти войска располагались. Для этого были использованы сведения всех видов разведки. Агентурная разведка установила, что резервов за фронтом противника почти нет и подкреплений не подвозится. Воздушная разведка засняла на фотоснимки все неприятельские позиции, как передовые, так и лежавшие в тылу. Фотоснимки были перенесены на карты, а с последних пересняты планы крупного масштаба. Все офицеры и младшие командиры были снабжены такими планами своего участка. После этого все офицеры и командиры наносили на план всякое изменение в позициях противника.

В результате собранных разведкой сведений выяснилось, что позиции противника укреплены очень сильно. Они состояли, как правило, не менее чем из трёх укреплённых полос, удалённых одна от другой на расстояние от 3 до 10 километров (в основном на 5—6 километров). Каждая полоса простиралась в глубину на 1,5—2,5 километра и обычно имела не менее трёх линий окопов полного профиля (выше роста человека). Наиболее сильно была укреплена первая полоса, состоявшая из ряда узлов сопротивления. Повсюду были устроены тяжёлые блиндажи, убежища, бойницы; через каждые 80—100 метров имелись железобетонные огневые точки; целая система ходов сообщения вела в тыл. Каждая укреплённая полоса была оплетена проволокой. Местами было по нескольку полос проволочных сетей в пять-восемь рядов кольев. Некоторые ряды были оплетены стальной проволокой, не поддававшейся резке, а на некоторых участках через заграждения проходил электрический ток высокого напряжения, были подвешены бомбы, впереди полос заложены фугасы.

Перегруппировка русских войск производилась Брусиловым с большой скрытностью. Для сохранения тайны были приняты и другие меры. Так, план прорыва был известен только командующему армиями. Для введения противника в заблуждение земляные работы велись на всём фронте, что скрывало направление главного удара. В районе же сосредоточения войска подтягивались скрытно и располагались в тылу за боевой линией. Однако все начальники этих войск находились впереди и тщательно изучали расположение противника, пользуясь теми же планами крупного масштаба, разведывали подступы к неприятельским позициям, выбирали места наблюдательных пунктов артиллерийских позиций и т. д. Только перед наступлением части занимали предназначенное им место в исходном положении, выдвигаясь вперёд по ночам и на всём фронте, а не только на участке главного удара. Тогда же была поставлена на избранные заранее позиции артиллерия.

Подготовка операции в артиллерийском отношении выразилась в том, что заранее были выбраны артиллерийские позиции, расположенные возможно ближе к противнику; были тщательно пристреляны цели обстрела, изучено огневое фланкирование участков, приняты меры к уста-



Наступление армий Юго-западного фронта в мае—июле 1916 г.

новлению тесной связи артиллерии с пехотой. Для этого в первую линию окопов были высланы артиллерийские офицеры-наблюдатели, все цели пронумерованы, составлены перспективные чертежи, копии с которых розданы командирам рот и батальонов, между пехотой и артиллерией установлена телефонная связь. Плоды такой подготовки оказались великолепными. Русская артиллерия, вообще отличавшаяся боевой выучкой, показала себя в операции прорыва с самой лучшей стороны.

Инженерная подготовка была особенно сложной. Во-первых, были улучшены позиции, вблизи первой линии окопов возведены новые укрытия, блиндажи. Затем были построены плацдармы для выдвижения войск в исходное положение, находившееся всего лишь в 200—300 метрах от противника. На плацдармах строились в несколько рядов окопы, обнесённые рогатками из колючей проволоки. Окопы были соединены ходами сообщения. Таким образом, пехота после артиллерийской подготовки могла одним броском прямо из окопов достигнуть траншей противника. Работы эти производились по ночам, часто под неприятельским обстрелом. Наконец, исправлялись дороги, мосты, переправы, чтобы не было задержек наступлению со стороны тыла.

Войсковые соединения и части фронта прошли специальное обучение новым приёмам атаки укреплённых позиций. Для проверки хода подготовки операции на позиции выезжали сам генерал Брусилов, начальник штаба фронта, генерал-квартирмейстер и начальник инженеров фронта.

Во время позиционного затишья на Юго-западном фронте австрийские войска оправились от нанесённого им в 1914 г. удара; они были усилены германскими частями. Наличие хорошо укреплённых позиций и значительного количества тяжёлой артиллерии у противника должно бы было придать стойкость его обороне. Всё это свидетельствовало о том, что наступление войск Юго-западного фронта будет протекать в трудных условиях, тем более, что необходимого обычно для наступления значительного превосходства сил Юго-западный фронт не имел. К началу операции войска Брусилова были сгруппированы следующим образом.

Правофланговая 8-я армия, наносившая главный удар на всём Юго-западном фронте, состояла из 14 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, всего 225 тысяч бойцов и

716 орудий, из них 76 тяжёлых. Она располагалась на фронте в 185 километров [1]. Удар наносили три центральных корпуса — 39-й, 40-й и 8-й, за которыми находилась резервная дивизия. Это составляло примерно половину всех сил армии. Остальные два армейских (30-й и 32-й) и кавалерийский корпуса содействовали удару. На северном крыле находилась конная группа (корпус), усиленная пехотой, имевшая задачей прорваться к Ковелю с востока и тем содействовать удару в Луцком направлении. Перед фронтом армии располагалась 4-я австрийская армия в составе 13 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, всего свыше 145 тысяч бойцов и около 550 орудий, из них 174 тяжёлых. На участке главного удара 8-й армии над противником было достигнуто двойное превосходство.

Южнее, на участке фронта шириной до 130 километров, наступала 11-я армия, состоявшая из 4 армейских корпусов и 1 кавалерийской дивизии, всего 130 тысяч бойцов и свыше 380 орудий, из них всего 22 тяжёлых. Удар здесь наносился одним 6-м корпусом, примыкавшим к флангу 7-й армии. Против себя 11-я армия имела части 2-й австрийской армии и германский корпус, всего 10 пехотных и две кавалерийских дивизии, или 130—135 тысяч бойцов, и 470 орудий, из коих 160 тяжёлых. Таким образом, армия вовсе не обладала перевесом в силах над противником.

К 11-й армии примыкала 7-я армия, занимавшая по фронту только 63 километра и насчитывавшая в своём составе 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, всего 110—115 тысяч бойцов и 355 орудий, из них только 23 тяжёлых. Главный удар наносился усиленным 2-м корпусом, включавшим до одной четвёртой всех сил армии и почти половину артиллерии. Удар наносился на южном фланге, примыкавшем к 9-й армии. Против себя 7-я армия имела южную армию противника, включавшую 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии, всего 85 тысяч бойцов и 325 орудий, из них 62 тяжёлых. 7-я армия обладала, следовательно, сравнительно небольшим превосходством сил в людском составе.

---

[1] Цифровые данные выведены здесь и ниже из сопоставления сведений, изложенных в работах: А. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, М. 1938; «Наступление Юго-западного фронта в мае—июне 1916 г.». Сборник документов, М. 1940.

Левофланговая 9-я армия в операции занимала первое место после ударной 8-й армии. Она находилась по соседству с Румынией, всё ещё не решившей, на чьей же стороне ей выгоднее воевать. Одной из задач наступления Юго-западного фронта было побуждение Румынии выступить против Германии. Армия занимала фронт протяжением 90 километров и состояла из 10 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, всего 165 тысяч бойцов и 495 орудий, из коих 47 тяжёлых. Перед ней была 7-я австро-венгерская армия, состоявшая из 9 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, численностью 110 тысяч бойцов и при 500 орудиях, из коих 150 тяжёлых. Армия наносила удар южнее Днестра усиленным до трёх дивизий корпусом. Общее превосходство сил в 9-й армии было также невелико, артиллерия же была много слабее неприятельской.

Перед началом операции у главнокомандующего фронтом оставался резерв в составе трёх пехотных и одной кавалерийской дивизии. Резерв этот вследствие обнаружившегося успеха был быстро израсходован для его развития. В дальнейшем фронт получал подкрепления небольшими отрядами, почему их использование не оказало серьёзного влияния на ход событий.

Задача, поставленная Брусиловым перед армиями фронта, состояла в том, чтобы разбить живую силу противника и овладеть его позициями.

Брусилову приходилось отстаивать замысел своей операции не только до её начала, но и в процессе выполнения. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев неоднократно предлагал Брусилову изменить его план. Немецкие исследователи войны 1914—1918 гг. и впоследствии не поняли значения новшества, применённого Брусиловым. Бывший начальник немецкого генерального штаба писал по поводу наступления Юго-западного фронта:

«После короткой артиллерийской подготовки встали они в своих окопах и просто пошли вперёд. Только в немногих местах дали они себе труд собрать при помощи резервов атакующие группы. Дело заключалось совсем не в атаке в настоящем смысле этого слова, а просто в огромной разведке».

Но по-иному пришлось немцам расценивать результаты этой «разведки». Они были грандиозны и могли бы быть ещё грандиознее, если бы русское верховное командование

своевременно оценило и замысел и ход Брусиловского прорыва и, признав Юго-западный фронт главным, настояло на переходе Западного фронта в наступление.

4

ПРОРЫВ АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В ИЮНЕ 1916 г.

4 июня на рассвете раздался гром сотен русских орудий. Столбы огня и земли поднялись над траншеями противника. Вверх летели накаты блиндажей и убежищ. Неприятельские окопы превращались в поле, вспаханное гигантским плугом. Убежища хоронили вражеские гарнизоны в своих недрах.

Русская артиллерия старательно готовилась к тому, чтобы обеспечить пехоте успех. Её снаряды ложились в те цели, которые были засечены в результате тщательной разведки и являлись помехой для наступления пехоты. К вечеру первого дня во многих местах окопов первой линии противника уже не оставалось. Более суток русские пушки громили позиции врага, расчищая путь своей пехоте, прокладывая проходы в густых проволочных заграждениях.

Действия русской артиллерии были настолько успешны, что, например, на участке 8-й армии уже к вечеру 4 июня повсюду в проволочных заграждениях были проделаны проходы, разрушены окопы первой линии, а местами — и второй линии. Противник, бросая окопы, прятался в убежища. В некоторых пунктах неприятельские траншеи занимались только одними русскими разведчиками. Артиллеристы, начиная сражение, так умело вели огонь, что противник никак не мог разгадать, когда начнёт атаку пехота. На участке 9-й армии с рассветом 4 июня артиллерия после пристрелки открыла огонь на поражение по австрийским окопам первой линии. Противник укрылся в глубоких убежищах. Артиллерия перенесла огонь в глубину неприятельского расположения. Пехота противника выскочила из убежищ и приготовилась к отражению атаки. Артиллеристы обрушили на голову врага дождь снарядов. Противник снова спрятался в «лисьи норы». Огонь артиллерии опять перекочевал во вражеский тыл. Неприятельская пехота вторично вылезла из своих нор и приготовилась к обороне. Это повторилось ещё два раза. Когда

в последний, пятый раз артиллерийский огонь стал громить тыловые позиции противника, австрийцы решили, что их уже больше русские артиллеристы не обманут, и не спешили покинуть свои убежища. Этого-то момента и ждала пехота.

Без выстрела ворвались русские пехотинцы в окопы противника, частью истребили, частью забрали в плен находившихся в первых траншеях и убежищах неприятельских солдат и офицеров. Но в глубине оборонительной линии враг яростно сопротивлялся. Со всех сторон трещали пулемёты. Артиллерия австрийцев обрушила на наступавших сильнейший шрапнельный огонь. Но русские пехотинцы при поддержке своей артиллерии, громившей позиции противника в глубине его расположения, штыком и гранатой прокладывали себе путь. Так, в ожесточённых схватках, шаг за шагом отвоёвывали они у противника его позиции.

В 8-й армии наблюдался ещё более стремительный натиск пехоты. К вечеру первого дня атаки была захвачена вся первая полоса неприятельских укреплений и взято более 10 тысяч пленных. На следующий день русские войска возобновили наступление. Перед фронтом 125-й дивизии, входившей в состав ударной группы, противник оказывал упорное сопротивление. Несколько раз бойцы дивизии поднимались в атаку. Но перекрёстный огонь неприятеля вновь прижимал их к земле. Тогда на помощь ей пришла по собственной инициативе 102-я дивизия. Два её полка ударили во фланг противнику, преграждавшему дорогу 125-й дивизии, сбили его и обратили в бегство. То же самое сделала 102-я дивизия позднее, у местечка Рожище, зайдя в тыл врагу. Фронт австрийцев был прорван. То здесь, то там русская пехота выходила на открывшиеся фланги противника. Наконец, вся 4-я австрийская армия стала отступать, оставляя орудия, пулемёты. Это произошло уже на третий день наступления.

Молодые полки соперничали в доблести со старыми войсковыми частями. Так, на реке Стыри у Рожище полки, укомплектованные ополченцами, ворвались в предмостное укрепление и пленили 2 500 австро-немецких солдат и офицеров, захватили много трофеев.

Взаимодействие русских войск происходило в небольшом и в крупном масштабах. На южном фланге 8-й армии ударная группа в составе 101-й и 2-й Финляндской дивизий

с целью оказания содействия соседней 11-й армии 10 июня прорвала расположение неприятеля и стала обходить его открывшийся фланг. Благодаря этому неожиданному, красивому и быстрому манёвру подверглась разгрому 7-я и 46-я ландверная дивизии противника; первая потеряла две трети своего состава, а вторая — половину. Отступление австрийцев вскоре превратилось почти в паническое бегство. Они бросали всё, что задерживало их в этом беге с поля сражения: пушки, ручное оружие, повозки, раненых.

Действуя в тесном содружестве, 32-й и 17-й корпуса отважно и с большим искусством форсировали реку Пляшевку и стремительным ударом выбили неприятеля с укреплённой позиции. 404-й полк во главе со своим командиром под губительным огнём противника перешёл вброд по горло в воде речку и обратил в бегство врага. Одна из рот, попав при переправе в глубокое место, утонула.

Стойко удерживали русские солдаты каждый метр завоёванных в жестоких боях, укреплённых неприятельских позиций. 61-й Владимирский полк, защищая занятую с боя высоту, отбил шесть вражеских контратак, причём эта оборона носила такой активный характер, что полком было взято в плен 200 солдат противника, одно орудие и два пулемёта.

Командующий 9-й армией донёс Брусилову о следующем отважном деле бойцов 10-го Заамурского пограничного полка. Командир батальона этого полка заметил неприятельскую батарею, ведущую огонь по расположению наступавшего полка. Он вызвал своего сына-прапорщика и приказал ему, взяв роту солдат, отрезать батарее путь отхода. Это приказание было выполнено блестяще, но артиллеристы противника и прикрывавшие батарею стрелки обнаружили манёвр русской роты и, отстреливаясь, стали свёртывать батарею, намереваясь уйти. Тогда отважные заамурцы ударили в штыки. Противник бросил оружие и сдался. Было захвачено четыре крупнокалиберных 150-миллиметровых орудия вместе со всем обслуживающим составом и офицерами и 150 солдат прикрытия батареи.

В той же армии 44-й Камчатский полк 11-й пехотной дивизии стремительным ударом сбил противника с важной в тактическом отношении высоты. Соседняя, 12-я дивизия, увлечённая порывом камчатцев, также бросилась в атаку и захватила в плен целый полк австрийцев вместе с его

командиром. Австрийцы, однако, пустили в ход все свои резервы, стремясь вернуть высоту, сдержать стремительный натиск русских. Два свежих австрийских полка двинулись в атаку. Артиллерия противника открыла сильный огонь. Начальник 12-й дивизии также решил использовать свой последний резерв. Это был конный Текинский полк, насчитывавший в своих рядах всего 360 всадников. Текинцы внезапно нагрянули на противника сквозь боевые порядки пехоты; противник обратился в бегство, оставив 1 500 пленных.

Восточнее Луцка, у Суска, сотня казаков в конном строю атаковала укрепившегося на новых позициях противника и захватила два орудия и 200 ящиков со снарядами.

Во время преследования отступавших австрийцев командир русского артиллерийского дивизиона, сопровождавшего пехоту, увидел, что через местечко Заставна по шоссе вместе с австрийской пехотой отходит неприятельская артиллерия. В составе дивизиона находилась конная батарея. Командир дивизиона решил образовать из личного состава батареи конный отряд и захватить у противника орудия. 60 всадников-артиллеристов с офицерами и командиром батареи во главе ворвались в Заставну; 40 человек из них направились против отступавшей австрийской пехоты, а остальные догнали артиллерию противника, перестреляли орудийную прислугу, захватили 4 орудия, 80 пленных и 30 лошадей. Группа, направившаяся против пехоты, взяла в плен 150 человек.

У деревни Зубильно шёл горячий бой. Командир батальона капитан Русов обнаружил, что немцы прорвали фронт полка. Он поднял бойцов и повёл свой батальон бегом в атаку. Опрокинув противника и преследуя его, батальон наткнулся на укрытые неприятельские резервы силой до двух батальонов. Не давая врагу опомниться, батальон смял его стремительным ударом в штыки и гнал до ближайшего леса, устилая поле вражескими трупами. В бою пал командир батальона Русов, были ранены его заместитель подпоручик и два командира рот.

Русские разведчики храбро и с умением выполняли поставленные им задачи. Партия разведчиков 201-го пехотного полка, подкравшись ночью к немецкой заставе, внезапно её атаковала. Немцы отчаянно защищались, но большая часть их была переколота, а 50 человек во гла-

ве с офицером взято в плен. Другая партия выбила немцев из занятой ими деревни, захватила пленных и несколько пулемётов. На следующий день, продолжая разведку, она захватила ещё 77 немцев и два пулемёта.

У села Бурятина, юго-восточнее Луцка, русские разведчики захватили у противника два 100-миллиметровых орудия и взяли в плен 4 офицера и 160 солдат.

Три бойца 8-го Заамурского пограничного полка Плотицын, Кучерюк и Сорохунский вызвались добровольно в разведку. Захватив с собой ручные гранаты, они открыто пошли к окопам противника. Немцы вообразили, что это русские перебежчики, не открывали огня и с любопытством наблюдали, что будет дальше. А дальше произошло следующее: храбрые солдаты, подойдя почти вплотную к окопам противника, выхватили свои гранаты и одну за другой стали бросать в оторопевших немцев. Через минуту в немецких окопах никого не было. Увидев, как бегут немцы, роты Заамурского полка одна за другой бросились вперёд и заняли окопы противника, захватив больше 80 пленных немцев.

2-я стрелковая дивизия, наступая на Луцк, преодолевала одну за другой линии неприятельских укреплений. На её фланг противник бросал резервы, в том числе свежие германские части. Дивизия, отбрасывая противника, подошла к реке Стыри. 6-й стрелковый полк, на участке которого оказалась возможной переправа на другой берег, несмотря на утомление солдат, своими силами построил мост и, овладев плацдармом на другом берегу, дал возможность переправиться целой бригаде.

К 6 июня намеченный план наступления был осуществлён. 7 июня войскам 8-й армии было приказано преследовать отступавшего противника.

Штаб 8-й армии так оценивал дальнейшие события:

«К 9 июня все наличные резервы австрийцев были уже израсходованы, а отступающие, местами прямо бегущие, до крайности дезорганизованные, разбитые нами австрийские дивизии к более или менее серьёзному сопротивлению были абсолютно не способны».

7 июня Брусилов отправил командующему 8-й армией следующую телеграмму:

«Слава и честь 8-й армии с вами во главе. Не нахожу слов благодарности за беспримерно быструю, решительную боевую работу. От моего имени сверх статута наградите

всё отличившиеся роты и батареи... Радуюсь, что первый этап наступления столь блестяще пройден».

В этот день, преследуя бегущих австрийцев, 8-й корпус овладел городом Луцк, находившимся в 35 километрах от исходного положения 8-й армии. Такое глубокое продвижение в условиях позиционной войны вызвало всеобщее удивление и восхищение. Атаки союзников, предпринятые ими несколько позже на Сомме, несмотря на небывалое количество применённой тяжёлой артиллерии и авиации, несмотря на неожиданность для немцев удара, не проникали в расположение противника глубже 3—8 километров.

К 27 июня 8-я армия вышла на фронт Сокуль—Блудов. Здесь спешно подброшенные германские резервы отчаянными контратаками стали постепенно сдерживать продвижение русских войск. 28 июня Брусилов приказал командующему армией, закрепив успех, произвести перегруппировку войск с целью дальнейших действий.

11-я и 7-я армии выполнили поставленные им боевые задачи, прорвали фронт противника, сковали его части и резервы перед своими участками фронта и выбили противника с его укреплённых позиций. Обе эти армии почти не обладали превосходством сил, а на участке 11-й армии перевес на самом деле был на стороне противника, имевшего значительно большее количество артиллерии. Тем не менее и на участки этих армий немцы спешно стали перебрасывать подкрепления с других фронтов и производить яростные контратаки.

В 9-й армии 4 июня после прекрасно организованной, чрезвычайно мощной артиллерийской подготовки, во время которой на позиции противника было брошено 30 тысяч снарядов, ударная группа одним натиском захватила две линии неприятельских окопов. В первый же день здесь было взято 12 тысяч пленных, орудия и пулемёты. Австрийцы сдавались целыми подразделениями и частями. 10 июня 7-я австрийская армия была разрезана пополам. Русские войска проникли в расположение противника на глубину до 50 километров. Враг потерял здесь за несколько дней 60 тысяч солдат и офицеров, из коих около 40 тысяч пленными.

В период с 4 июня до конца месяца наступление войск Брусилова с огромным успехом развивалось на всём фронте от Припяти до румынской границы. Армии Юго-

западного фронта заняли почти всю Буковину, города Черновицы, Снятынь, Коломыю, в центре наступления овладели городами Радзивиллов и Луцк, продвинувшись по направлению к Ковелю в глубину расположения противника более чем на 70 километров.

Успех был поразительный. Со всех сторон, из России и из-за границы, Брусилов получал горячие поздравления и пожелания дальнейших побед. К сожалению, русское верховное командование опоздало с необходимой помощью Юго-западному фронту. Главнокомандующий соседним Западным фронтом, несмотря на настойчивые просьбы Брусилова, медлил с началом наступления. А главное — союзники России серьёзного содействия русскому фронту не оказали. Начавшееся уже после Брусиловского прорыва наступление войск союзников на Сомме носило частный характер и не вызвало со стороны немцев никаких мероприятий, которые бы ослабили их силы, находившиеся против русских. Наоборот, немцы всё время снимали войска со своего западного фронта и перебрасывали их на восточный. Полного взаимодействия двух фронтов стран Согласия всё ещё не наблюдалось.

Но Брусилов не терял надежды нанести немцам поражение. И цель, к которой он стремился, была действительно близка. Об этом свидетельствуют высказывания самих врагов. Вот что писали немцы после войны, когда правду скрыть было невозможно:

«2 июня, следовательно, перед началом боя на Сомме, началось восточнее Луцка наступление армии Брусилова. Встретившаяся здесь ей 4-я австрийская армия была совершенно разбита... Вскоре затем и в Буковине русский натиск проник в глубь австрийского фронта почти до Кирлибаба и Татарского ущелья... Начавшийся бой на Сомме был предоставлен на стороне германцев своим собственным силам... К жестоким ударам молота на Сомме присоединилось генеральное наступление русских на фронте от Румынии до Восточного моря. Германия, вся израненная, истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни».

Если бы «жестокие удары молота на Сомме» действительно были угрожающими, кризис, наступивший в Германии в связи с наступлением русских войск, мог превратиться для немцев в катастрофу. В действительности этого не было. Давление на немецкие войска со стороны западноевропейского фронта было недостаточным.

Брусилов продолжал начатое дело. Между тем немцы перебросили к месту прорыва с западноевропейского театра войны, а также с разных участков русского фронта такое количество войск, что силы противника стали значительно превышать силы русского Юго-западного фронта. Всего за время брусиловской операции против Юго-западного фронта было переброшено 36 германских дивизий (из коих 11 с французского фронта), 9 австрийских дивизий (из коих 6 были сняты с итальянского фронта) и даже 2 турецких.

Брусилов решил продолжать активные действия, сохраняя инициативу в своих руках. 24 июня в состав Юго-западного фронта была передана остававшаяся в бездействии левофланговая 3-я армия Западного фронта. Брусилов поставил армиям следующие задачи: правофланговым 3-й и 8-й армиям разбить находившегося перед ними противника и овладеть районом Городок—Маневичи, развивая действия в Ковельском и Владимиро-волынском направлениях; левофланговым 7-й и 9-й армиям продолжать наступление в западном направлении и на юго-запад — на Галич и Станислав, продвигаясь к Карпатам. Центральная 11-я армия должна была, прочно удерживая занятые позиции, нанести короткий удар на Броды.

Наступление 3-й и 8-й армий сорвало план немцев, намеревавшихся нанести со стороны Ковель — Маневичи удар во фланг выдвинувшейся вперёд 8-й армии. Немцы вели с 30 июня на всём фронте ожесточённые контратаки, но все они были безрезультатны. 8-я армия сбила противника и к 14 июля части 3-й и 8-й армий вышли на реку Стоход; 11-я, 7-я армии отбивали немецкие контратаки. 9-я армия достигла большого успеха, выдвинувшись к Станиславу, до которого оставалось не более 20 километров. После этого армиям было приказано перегруппировать свои войска. Перегруппировка происходила во время усиленных контратак немцев и продолжалась до конца июля. Но и в этот период войска Брусилова наносили серьёзные поражения противнику.

28 июля армии фронта вновь перешли в наступление с рубежа реки Стоход. Немцы, описывая это наступление, утверждали, что оно продолжалось до вечера 14 августа с «неслыханной силой» и заставило их израсходовать последний кавалерийский резерв, находившийся под Ковелем. До Ковеля войска Юго-западного фронта не могли

дойти. Время для взятия Ковеля, говорил Брусилов, было уже окончательно упущено. Но всё же в ожесточённых боях, продолжавшихся в августе, когда немцы вели контратаки громадными силами с многочисленной тяжёлой артиллерией, русские войска имели ряд частных успехов. То были отзвуки замечательной операции, отлично организованной и проведённой талантливым русским полководцем.

Жернова брусиловского наступления перетирали как австро-венгерские, так и германские дивизии. Немцы перебросили из Франции в числе других одну из лучших своих дивизий, носившую наименование «стальной». Дивизия была разгромлена. Пленные из её состава показали, что они и мысли не допускали, чтобы на русском фронте происходили такие ожесточённые сражения. «Подобному разгрому, — говорили пленные, — мы не подвергались ещё ни разу с начала войны».

Так, перед могучим порывом русской армии пали считавшиеся неприступными укрепления врага, подверглись разгрому его дивизии и целые армии. За период с 4 июня по 12 августа армиями Юго-западного фронта было взято в плен 8 255 офицеров, 370 153 солдата, захвачено 496 орудий, 367 миномётов и бомбомётов, 100 прожекторов и громадное количество пулемётов, винтовок, боеприпасов и другого военного имущества. К половине сентября число пленных возросло почти до 420 тысяч, из коих 9 тысяч офицеров, а число захваченного вооружения составляло свыше одной тысячи артиллерийских орудий, миномётов и бомбомётов и до 1 800 пулемётов, а в ноябре 1916 г. общее число пленных достигло 450 тыс. человек. Освобождено было более 25 тысяч квадратных километров территории. Такого продвижения ни разу не наблюдалось во время позиционных действий.

Брусиловский прорыв создал перелом в ходе войны, стратегическая обстановка изменилась в пользу союзников, и немцы уже не могли предотвратить полного поражения.

5

РЕЗУЛЬТАТЫ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА

О чём же говорят итоги Брусиловского прорыва? Что выиграли союзники в результате этой замечательной операции и что проиграли немцы? Чем объясняется успех наступления русских войск?

Огромное значение Брусиловского прорыва было признано как союзниками России, так и её врагами. Немцы должны были признать, что стратегическая инициатива в 1916 г. была вырвана из их рук. При всей сложности взаимодействия двух антигерманских фронтов в Европе Брусиловский прорыв являлся важнейшей операцией в смысле согласования действий этих фронтов. Он поставил немцев перед кризисом, равного которому они никогда ранее не переживали.

Брусиловский прорыв убедительно показал, какая огромная опасность таилась для Германии в войне на два фронта. Невзирая на то, что русский фронт на европейском театре военных действий во всех отношениях был значительно слабее англо-французского, он сыграл выдающуюся роль. Русский фронт всё время отвлекал с запада силы немцев; он расстраивал немецкие стратегические планы, предоставлял союзникам России драгоценное время для отражения сильнейших ударов врага и в конечном счёте дал возможность союзникам нанести решительное поражение германской армии. Сильнейший союзник Германии — Австро-Венгрия — после операции прорыва уже не могла больше оправиться. Германия принуждена была выделить часть своих сил для поддержки союзницы, чем ослабила себя.

Немцы в то время вели свыше трёх с половиной месяцев ожесточённую атаку Вердена, а австрийцы в течение трёх недель наступали в районе Трентино. Наступление войск Брусилова отвлекло большие силы немцев и австрийцев с западноевропейского фронта, спасло от разгрома Италию и предотвратило заключение ею сепаратного мира. Итальянская армия не только остановила натиск австрийцев в Трентино, но и сама перешла в наступление. Брусиловский прорыв значительно облегчил положение франко-английских войск в тяжёлые для них дни верденского сражения и позволил союзникам России, на-

чиная с 1 июля, перейти в наступление на обоих берегах Соммы. Таким образом, впервые за время войны было достигнуто согласование действий англо-французского и русского фронтов. Инициатива на важнейших европейских фронтах была вырвана из рук немцев.

Наступление войск Юго-западного фронта произвело огромное моральное впечатление на действующие армии обеих воюющих сторон. Оно подняло дух русских войск, настроение которых после неудач в 1915 г. сильно упало. Оно вызвало подавленное состояние духа в армии врагов. Не меньшее впечатление наступление произвело и на всё общественное мнение как воюющих, так и нейтральных государств. Румыния два года оставалась нейтральной, не зная, на чьей стороне ей выгоднее выступить. Брусиловский прорыв прекратил эти колебания. В августе 1916 г. румынская армия открыла военные действия против немцев, что с политической точки зрения было большим выигрышем для стран Согласия.

Наступление Брусилова вызвало крупные перемены в составе немецкого верховного командования. Генерал Фалькенгайн был вскоре снят с должности начальника генерального штаба, и вместо него назначен Гинденбург, помощником которого в должности первого генерал-квартирмейстера стал Людендорф. Фалькенгайн больше не верил в возможность благоприятного для немцев исхода войны. И он оказался прав.

Таким образом, события, развивавшиеся в результате наступления Юго-западного фронта в 1916 г., приобрели огромное стратегическое значение. Факты говорят сами за себя. Не было бы осуществлено Брусиловым этой выходящей из ряда обычных операций, стратегическая обстановка на фронтах мировой войны 1914—1918 гг., несомненно, сложилась бы иначе. Чаша весов, на которых лежала судьба войны, благодаря Брусиловскому прорыву склонилась в пользу стран антинемецкого Согласия и в ущерб немцам. Впервые они ощутили давление двух фронтов — западного и восточного. Страх перед новым натиском с запада и востока больше не покидал немцев до конца войны. В 1918 г. немецкое командование пыталось избавиться от давившего его кошмара наступлением против обоих фронтов. Но это повлекло за собой окончательный разгром немецкой армии, жестокое поражение немецкого империализма.

Наступление войск Юго-западного фронта не решило проблемы оперативного прорыва и выхода войск на маневренный простор в условиях позиционной войны, при наличии сплошных траншейных укреплений. Эта проблема вообще не была решена и не могла быть полностью решена в первой мировой войне по ряду причин. Решить эту проблему могла только богато оснащённая техникой, одухотворённая патриотизмом Красная Армия, которая в Великой Отечественной войне, под руководством своего талантливого командования, прорывая фронт немецкой обороны, неотступно преследовала и беспощадно громила немецких захватчиков. Тактический успех в операциях прорыва Красная Армия быстро превращала в оперативный, решительно изменяя обстановку на театре военных действий в свою пользу.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина гласил: «...смело и решительно взламывать вражескую оборону, день и ночь преследовать врага, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, умелым и смелым манёвром резать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику противника».

Героическая Красная Армия в точности выполняла приказ Верховного вождя. Старая русская армия не могла осуществлять таких операций. Тем не менее по своему замыслу Брусиловский прорыв был прообразом не только последующих прорывов оперативного характера в войне 1914—1918 гг., но в определённой обстановке и современной крупной операции прорыва траншейной обороны противника.

В армиях Брусилова не было достаточно сильного и подвижного резерва для развития прорыва. Конница не обладала для этого необходимой силой. Вследствие этого операция Брусиловского прорыва не оказала решающего влияния на изменение обстановки на всём русском фронте. Но она явилась таким оперативно-тактическим новшеством, которое внесло серьёзные изменения в форму боевых действий. И это новшество есть достояние русского военного искусства.

Русская армия вышла на поля сражений недостаточно оснащённая боевой техникой. Пехоту и конницу опасались перегружать артиллерией, для перемещения которой по проходимой местности могла быть использована только

конная тяга, а на местности сильно пересечённой — вьючная или даже часто только ручная. И пехота и конница учились воевать с применением смелого манёвра, с использованием почти всех сил сейчас же после завязки боя. Русская пехота и русская конница умели взаимодействовать в маневренном бою между собой и с артиллерией. Войска Брусилова показали в маневренный период войны, что они обладают тактическим превосходством перед противником. Но как и все армии воюющих держав, русская армия оказалась неподготовленной к войне мирового масштаба. Русская армия должна была приспосабливаться к новым условиям войны в жарких боях тогда, когда на Западном фронте наступило позиционное затишье. Иностранные военные специалисты утверждали, что военное искусство «зашло в тупик». Возникло стремление вести войну на истощение противника. Так прежде всего было воспринято в Западной Европе огромное изменение качественного и количественного состояния военной техники, с которым впервые пришлось встретиться военачальникам в процессе первой войны мирового масштаба.

Русские войска тоже принуждены были перейти к позиционной войне. Но передовые представители русского командования, первым среди которых, безусловно, являлся Брусилов, не признали военное искусство находящимся в тупике. Русское военное искусство искало и нашло способы преодоления сильной траншейной обороны. Эти способы не были совершенны, но они показали выход из того «тупика», в котором очутилось, по словам многих специалистов, военное искусство. Дальнейшее совершенствование этих способов зависело от развития боевой техники. В 1918 г. при наличии у союзников танков способы прорыва изменились, хотя принцип операции прорыва, установленный Брусиловым, послужил основой для более совершенных методов подобной операции.

Русская армия блестящей операцией Брусиловского прорыва вписала яркую страницу в историю военного искусства. Она доказала, что по мужеству и умению воевать русские войска стояли выше своих противников. Русская армия не утратила своей силы под жестокими ударами неприятеля, обладавшего превосходством в боевой технике. Доблесть, стойкость и наступательный порыв были теми качествами воина, которыми издавна славилась русская армия и которые никогда не покидали русского солдата

перед лицом врага. Этими качествами русского воина объясняется успех Брусиловского прорыва.

Подготовка и ход операции показали, что русское военное искусство в первой мировой войне было не только не ниже военного искусства Запада, но во многих отношениях опережало последнее. По сравнению с шаблонными немецкими теориями и немецкой практикой военного дела, военное искусство русской армии, представленное полководческой деятельностью Брусилова, оказалось передовым.

Лучшие традиции русского военного искусства восприняты героической Красной Армией. В Великой отечественной войне, под руководством гениального стратега, величайшего полководца, Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Красная Армия подняла военное искусство на недосягаемую высоту. Враги Советского Союза никогда не забудут жестоких поражений, нанесённых им Красной Армией, наш народ и друзья наши в других странах будут учиться на примерах этого военного искусства, как нужно защищать от посягательств захватчиков свою родину, свою честь и свободу.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ФРОНТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 3
2. ГЕНЕРАЛ БГУСИЛОВ — ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА 9
3. ПЛАН БРУСИЛОВА И ПОДГОТОВКА ПРОРЫВА 15
4. ПРОРЫВ АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В ИЮНЕ 1916 г. 25
5. РЕЗУЛЬТАТЫ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА 34

Редактор *П. Кушнер*
Подписано в печать 29 декабря 1944 г. Тираж 50 000 экз. А 12232.
Заказ № 647. Объём 2¼ п. л. Цена 70 к.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

70 коп.

1704

21

103